
ГАЛИНА
Колоскова
БЫВШИЕ
Звезда
для дочери

Галина Колоскова

Бывшие. Звезда для дочери

https://litres.ru/74761883
SelfPub; 2026

Аннотация

— Алина! — поворачивается Игорь к моей бывшей подруге. — Скажи правду.

Алина пожимает плечами:

— Какую правду? Что я пришла в гости, мы выпили, любили друг друга. Ты устал и уснул? Я сделала как ты просил — ждала, чтоб продолжить. — В её глазах уверенность в собственной неотразимости. — Не заставляй меня врать! Рядом со мной не может «ничего не быть». Надеюсь, твоя мечта сбылась и я наконец забеременела.

— Что ты несёшь? Какое просил? Какой ребёнок? — Игорь натягивает футболку. — Наташа не верь ни одному её слову!

Алина усмехается:

— Поверит, когда я рожу!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Галина Колоскова
Бывшие. Звезда для дочери

Пролог

Севастополь. Военно-морской госпиталь. Апрель 2020.

Я сижу в ординаторской. Допиваю остывший кофе. Смена тянется бесконечно долго. Реанимация затихла. Но тишина обманчива — в любой момент взвоет сирена.

Так и случается.

Треск селектора. Голос диспетчера режет по нервам:

— Группа «А» в приёмный покой. Тяжёлый. Осколочные. Дыхание нестабильное.

Слишком резко ставлю кружку. Кофе расплёскивается по столу — не замечаю. Бегу, на ходу застёгивая халат. Пальцы дрожат — справляюсь. Лицо каменное. В реанимации нельзя показывать страх. Непонятное предчувствие сжимает грудь.

В коридоре пахнет железом и морем. Откуда море? Потом узнаю — раненого привезли с взорванного катера.

Его вкатывают на каталке. Форма изодрана в клочья. Кровь запеклась на шее в чёрную корку. Рука зафиксирована шиной. Но самая страшная рана — в груди, слева. Рядом с сердцем.

Я не смотрю на лицо пациента. Гляжу на монитор. Давле-

ние падает — цифры прыгают вниз. Пульс — нитевидный, еле уловимый. Врач Синицын выкрикивает команды резким голосом:

— В операционную! Живо!

Я операционная сестра. Пальцы сами ставят капельницу, подключают датчики. Спина мокрая от напряжения — рубашка прилипает к коже. Ассистирую хирургу: подаю зажимы, салфетки, отсос. Работаю без единого лишнего движения.

Хирург извлекает осколок — размером с грецкий орех. Металлический щелчок о лоток. Пациент вдруг приходит в себя. Интранаркозное пробуждение. На секунду. Веки взлетают, глаза мутные, взгляд блуждающий. Ресницы дрожат — длинные, влажные.

Он хватает меня за руку.

Хватка мёртвая. Пальцы впиваются сквозь перчатки. Больно. Шепчет одно слово:

— Мама…

Голос — как треснувшее стекло. Я не знаю этого человека. Никогда не видела. Но в этот миг я — та, кто вытаскивает его с того света.

Сжимаю сильные пальцы в ответ. По лицу течёт капля пота — с виска, по щеке, застывает на верхней губе. Говорю тихо, чтобы никто не услышал:

— Тише, солдат. Ты не умрёшь. Я здесь.

Он отключается. Веки тяжело опускаются, ресницы боль-

ше не дрожат. Операция продолжается.

Через два часа хирург выдыхает. Снимает маску — на лбу блестят капельки пота. Говорит устало:

— Жить будет.

Я выхожу из операционной. Снимаю перчатки. Смотрю на ладони — синяки. Пять отпечатков пальцев останутся памятью на неделю, не меньше. Мои пальцы дрожат — сжимаю их в кулак.

Смена кончилась. Мне пора домой.

Но что-то заставляет остаться.

Обхожу посты, делаю вид, что проверяю отчёты. В третьем часу ночи пробираюсь в послеоперационную палату. Сажусь на стул у его кровати.

Он спит. Кислородная маска на лице — стекло слегка запотело от дыхания, то затягивается, то становится прозрачным. Капельница отсчитывает капли. Кап… кап… Монотонный звук. Колыбельная реанимации.

Рассматриваю его внимательно.

Густые брови — чуть сдвинуты во сне. Скулы жёсткие. В уголке губ — детская припухлость. На шее — маленький старый шрам. На руке — татуировка: якорь и надпись: «За тех, кто в море».

Он дышит. Ровно. Грудная клетка поднимается, опускается. Прядь волос упала на лоб — хочется убрать, но не смею.

Я сижу до рассвета. Ничего не читаю, не листаю телефон. Смотрю на него. Думаю о том, как хрупка грань. Ещё мину-

та — и осколок задел бы аорту. Тогда ни я, ни Синицын не спасли бы. Его бы просто не довезли живым. И где-то плакала бы мать, получив похоронку на сына.

В палате тихо. Только капельница и его дыхание. И моё сердце — колотится так громко, что кажется, вот-вот разбудит его.

Утром он открывает глаза. С первой попытки. Не мечется, не стонет. Глядит в потолок. Потом медленно переводит взгляд на меня.

Мутная пелена спадает. В глазах — ясность. И сталь.

Он силится сказать. Я помогаю — убираю кислородную маску. Под ней губы сухие, потрескавшиеся.

— Живой? — спрашивает. Сипло, но твёрдо. Кадык дёргается.

Я киваю. Выдавливаю ровным голосом медсестры, которая видит такое каждый день:

— Живой и будете жить. Спите, капитан.

Он смотрит ещё несколько секунд. И вдруг уголки его губ дрожат. Не от боли. Это улыбка. Первая улыбка человека, думавшего, что умрёт, но выжившего.

Моё сердце замирает. Потом бьёт с такой силой, что отдаётся в висках. В этот момент я не медик, спасающий жизнь, а женщина, встретившая того, кого долго ждала.

Продавливаю ком в горле. Отвожу взгляд.

На подоконнике в палате лежит кем-то забытая маленькая ракушка. Луч солнца пробивается сквозь жалюзи и касается

её перламутра — она вспыхивает, переливается. На стекле — отпечатки чьих-то пальцев.

Госпиталь просыпается. За дверью голоса, шаги, где-то зазвенела посуда. Начинается новый день.

А я ещё не знаю: этот взрыв разорвёт на куски не только катер.

Он разорвёт мою жизнь, мою душу

И соберёт заново.

Совершенно другой.

Глава 1

Проходит два дня, а я всё ещё чувствую его пальцы на своей руке. Синяки уже побледнели, превратились в жёлто-зелёные разводы, но память о хватке никуда не уходит. Я тру запястье под краном с холодной водой перед сменой, смотрю в зеркало и говорю себе мысленно: «*Это работа. Ты вытащила его с того света. Точка*».

Вру.

Заступаю на дежурство в реанимационное отделение, и ноги сами несут в палату номер восемь. По правилам, я не должна туда заходить, но нахожу причины. То забыла измерить давление, то нужно взять кровь на анализ, то просто проверяю капельницу.

Он лежит на кровати с приподнятым изголовьем. Грудь забинтована, правая рука зафиксирована. Система капает медленно, и я каждый раз поправляю зажим, хотя скорость правильная.

Его зовут Игорь Карташов. Капитан морской пехоты. Двадцать девять лет. В графе «близкие родственники» указана мать, Мария Петровна. Она приезжала сегодня утром — заплаканная, но сдержанная женщина лет пятидесяти. Я видела, как она гладила его по голове, и меня кольнуло что-то острое. Моя мама далеко, в Симферополе, и мы не виделись три месяца. Я вечно на работе.

Он спит почти всё время — организм восстанавливается. Но когда бодрствует, молчит. Не жалуется, не просит обезболивающего, даже не стонет. Только смотрит в окно на клочок синего неба между корпусами. Или на меня.

Вторые сутки его пребывания. Я вхожу с тонометром, он открывает глаза и хрипло произносит:

— Ты та, что была в операционной.

Утверждение, не вопрос. Голос всё ещё слабый, но в нём прорезается командирская нота.

— Да, я хирургическая медсестра, — соглашаюсь. — Наталья.

— Игорь.

Он протягивает левую, здоровую руку. Я пожимаю ладонь — сухую, горячую, сильную даже в таком состоянии.

— Я помню, — добавляет он. — Ты сказала мне «не умрёшь».

Согласно киваю:

— Сказала.

— И я не умер.

Отвечаю, пожимая плечами:

— Повезло. Хирург отличный.

Он качает головой.

— Не только хирург.

Я отвожу взгляд. Надеваю манжету тонометра, накачиваю воздух. Давление сто двенадцать на семьдесят — отлично. Пульс шестьдесят два. Записываю цифры в карту и собира-

юсь уходить.

— Наталья.

Останавливаюсь на пороге.

— Спасибо.

Киваю и выхожу. В коридоре прислоняюсь спиной к стене и закрываю глаза. Сердце колотится как бешеное. Я приказываю себе успокоиться, но оно не слушается.

На третий день приношу ему книгу. Не знаю, зачем. Прохожу мимо библиотеки госпиталя и вспоминаю его взгляд — умный, цепкий. Таким не нужны сериалы по телевизору.

— Чем займёте себя? — спрашиваю, входя в палату. — Может, почитаете?

— Рука болит, — он кивает на забинтованную правую. — Листать тяжело.

— Я могу почитать вслух.

Предлагаю и сама пугаюсь своей смелости. Дежурная медсестра должна читать карты, а не романы. Но он молчит секунду, потом спрашивает:

— Что читать будешь?

— Выбирайте.

— «Два капитана». Каверин. Помните?

Предсказуемо.

— Там про «бороться и искать, найти и не сдаваться», — улыбаюсь невольно.

— Именно. Моя бабушка читала мне в детстве.

Я нахожу книгу в госпитальной библиотеке — старый по-

трёпанный экземпляр, но все страницы на месте. Возвращаюсь в палату, сажусь на стул у койки и открываю первую страницу.

«Помню просторную грязную комнату…» — начинаю читать.

Он закрывает глаза и слушает. Я ловлю себя на том, что вживаюсь в каждое слово, как в школе на конкурсе чтецов. Голос звучит ровно, но внутри — пожар. Он здесь, рядом. Он слушает только меня. И в этом есть что-то интимное, не предназначенное для больничных стен.

На пятый день Игорь замечает, что я морщусь, когда заполняю карту. Правая рука болит уже неделю — защемление нерва в запястье, старая травма. Я терплю, но иногда прострел заставляет сжимать зубы.

— Что с рукой? — спрашивает, сведя брови у переносицы.

— Рабочее, — отмахиваюсь.

— Покажи.

Даже интересно. Мы меняемся местами. Он доктор. Я пациент. Протягиваю запястье. Он осторожно ощупывает пальцами. Задерживаю дыхание — от его прикосновений по коже бегут мурашки.

— Защемление, — констатирует Игорь то, что я и так знаю. — У нас во взводе было такое у связиста. Мазь нужна.

Согласно киваю:

— Посмотрю в аптеке.

— Не найдёшь такую. Достань у меня в тумбочке, зелёная туба.

Не хочу спорить. Мне приятна его забота. Открываю дверцу — там лежит мазь с диклофенаком. Я знаю этот препарат, он помогает. Но откуда у него?

— Мне мама привезла, — объясняет. — У неё артроз. Возьми.

— Неудобно…

— Возьми, Наташа.

Сердце замирает. Он произносит моё имя так, что перестаю спорить. Беру мазь, вечером наношу на запястье. Боль уходит через два дня.

Вместо «спасибо» приношу на дежурство домашний пирог с яблоками — испекла ночью. Долго не могла уснуть. Оставляю на тумбочке.

— Спасибо за мазь. Попробуй. Сама пекла.

— Сама? — Откусывает небольшой кусочек и довольно улыбается. — Очень вкусно!

На десятый день Игорь уже сидит, спустив ноги с кровати. Рана заживает хорошо, швы снимут через пару дней. С каждым днём его взгляд становится более заинтересованным. Вот и сегодня он не сводит с меня глаз.

— Ты давно в госпитале?

— Пять лет.

— Не страшно? Госпиталь военный. Наверное, насмотрелась смертей?

— К смерти привыкаешь. К людям — нет. Все разные. Вот с ними порой нелегко.

— К людям привыкать нельзя, — соглашается он после вздоха. — Они уходят.

Я смотрю на него. Он говорит не о смерти пациентов. О чём-то своём. О боли, которую носит внутри.

— У тебя в семье кто-то ушёл? — спрашиваю тихо.

Он молчит долго. Потом отвечает:

— Отец. В Абхазии, в девяносто третьем. Я маленький был. Помню его с трудом.

— Прости.

— Не надо. Я научился жить с этим.

Мы замолкаем. В палате тихо, только капельница отсчитывает капли. И вдруг он произносит:

— Ты улыбнулась сегодня впервые.

— Что? — хмурюсь, не понимая о чём он. Улыбаюсь всегда. Быть приветливой, поднимать настроение тоже часть моей работы.

— За десять дней. Первая искренняя улыбка. Только что.

Я трогаю пальцами уголки губ. И правда — они сложены в улыбку. Я не заметила. Не контролировала.

— Ты смешной, — отвечаю, широко растянув губы.

— А ты красивая, когда не прячешь лицо в маску.

Он не заигрывает. Говорит правду. Вижу это по глазам — открытым, бездонным, как море за окнами госпиталя.

Я не знаю, что ответить. Не умею принимать комплимен-

ты. Все мои бывшие отношения были простыми и скучными: парень, кино, расставание. Ни одной влюблённости. «Холодная снежная королева» — не раз слышала за спиной. Никто не смотрел на меня так, будто я — единственный человек на свете.

— Мне пора, — прячу взгляд, поднимаясь. — Обход.

— Придёшь завтра?

Смущаюсь как девочка. В душе волнение.

— Завтра у меня выходной.

— Послезавтра?

— Приду.

Я выхожу в коридор и сталкиваюсь с тётей Верой — старшей медсестрой отделения. Ей за шестьдесят, она видела сотни влюблённых медсестёр и столько же разбитых сердец.

— Дочка, — говорит, глядя на меня поверх очков. — Ты влюбилась.

— Тёть Вер, бросьте. Он пациент. Я медсестра. Это работа.

— Работа у тебя здесь, — тычет она пальцем в карту, которую я держу в руках. — А глаза у тебя вон там, в восьмой палате. Ты бы себя со стороны увидела. Как на икону на него молишься.

— Я просто…

— Просто ничего не бывает, Наталья. Я старая, я знаю. Хочешь совет?

Я молчу.

— Не влюбляйся в раненых. Они выздоравливают и уходят. Не потому, что плохие. А потому что война — не место для любви.

Тётя Вера уходит, оставляя меня в коридоре. Я смотрю на дверь палаты номер восемь. Там, за ней, человек, который назвал меня красивой. Который отдал свою мазь. Который слушает Каверина с закрытыми глазами.

Говорю себе:

— Это не любовь. Это жалость. Ты его спасла, вот и привязалась. Пройдёт.

Я произношу это вслух. Одна в пустом коридоре. Голос звучит убедительно. Но где-то под рёбрами, внутренний голос шепчет: «*Врёшь*».

Я повторяю, как заклинание:

— Жалость. Только жалость. Он раненый. Один из многих.

Иду в ординаторскую, сажусь за стол, открываю карты. Но пальцы снова трут запястье — там, где прошлась его рука, проверяя боль. Мазь зелёная всё ещё лежит в моей сумке. Я не вернула. Не смогла.

Сегодня же позвоню маме в Симферополь — спрошу, как дела. Расскажу, что у меня всё хорошо. Но умолчу, что каждую ночь просыпаюсь и думаю о мужчине с татуировкой «За тех, кто в море».

Потому что, если скажу — значит, признаюсь себе в том, что он мне не безразличен.

А признавать страшно. Вдруг сумятица в душе нечто большее, чем жалость или обыкновенная симпатия?

Глава 2

«Прогулка у Херсонеса»

Конец апреля. Игоря выписывают из госпиталя.

Я узнаю об этом утром на планёрке. Заведующий зачитывает список: «Карташов И.С. на амбулаторное лечение в городскую поликлинику №3». Сердце пропускает удар. Сжимаю ручку и делаю вид, что записываю что-то важное. На самом деле в голове белый шум.

Он уходит. Недалеко, в стационар, но уже не за стеной. Не за дверью палаты номер восемь.

Вечером в ординаторскую приходит тётя Вера, садится напротив, смотрит с сочувствием.

— Выписали твоего капитана.

— Он не мой, — отвечаю, не поднимая головы от карты, хотя уже всё заполнила.

— Ну да. Конечно... — Она вздыхает. — Приходил он сегодня утром, пока ты в перевязочной была. Спрашивал про тебя.

Я замираю. Ручка застывает на букве «а».

— И что вы ответили?

— Сказала правду. Что ты хорошая девка, но упрямая. Что если он не дурак, пусть в городе тебя ищет. Нечего по госпиталям шастать, у нас здесь работа, а не клуб знакомств.

— Тёть Вер!..

— А что? Правильно. Если мужику надо — он дорогу найдёт. Даже без навигатора.

Она выходит, оставив меня в состоянии лёгкого шока. Злюсь на неё за прямоту и одновременно благодарна. Потому что теперь всё зависит не от меня. Игорь должен принять решение, а я — согласиться с ним или нет. Я никуда не бегу, а жду.

Он звонит на третий день после выписки.

Я как раз возвращаюсь со смены, выключаю в машине зажигание. Номер незнакомый, но почему-то знаю: это он.

— Наталья, привет. Это Игорь.

— Здравствуйте, — говорю сухо, хотя внутри всё трепещет и переворачивается.

— Ты не удивлена, что звоню?

— Немного… — А самой хочется визжать от счастья.

Но не одной мне.

— Я случайно столкнулся с тётей Верой. Она сказала, что ты ждала моего появления.

Я закрываю глаза. Вот же старая… Любимая моя старшая медсестра!

— Не обижайся на неё, — добавляет он, словно читая мои мысли. — Она добрая и хочет, чтобы мы наконец перестали ходить кругами.

— Какими кругами?

— Ты знаешь какими.

Пауза. Я смотрю на часы на приборной панели. Девятна-

дцать тридцать. Солнце садится, за окнами машины розовеет апрельское небо.

— Хочешь погулять в субботу? — спрашивает он. — Я почти восстановился. Можем ненадолго где-то зависнуть.

— Где?

— Херсонес. Там тихо и людей мало.

Я хочу сказать «нет». Я должна сказать «нет». Игорь пациент, я медсестра. Границы, субординация, этика. Но больше всего волнует другое. Вдруг тётя Вера права, и выздоровев, он исчезнет навсегда, оставив меня с разбитым сердцем? Мозг размышляет, но душа ждать не хочет.

— Хорошо, — слышу свой голос, словно со стороны. — Во сколько?

Он назначает время. Сбрасываю вызов и минуту сижу неподвижно, успокаивая бешено бьющееся сердце. Говорю в пустоту салона:

— Ты сошла с ума…

А через секунду решаю:

— Ну и пусть!

Это на первый взгляд сходить на свидание — просто. Понимаю, что давно махнула на себя рукой и перестала следить за модой. В субботу одно за другим примеряю три платья. В конце концов надеваю джинсы и свитер — нечего изображать из себя невесть что. Но губы крашу. И волосы распускаю — обычно хожу с хвостом. Смотрю в зеркало: вроде в отражении я, но какая-то другая. Беззащитная.

Встречаемся у входа на территорию заповедника. Он стоит с рюкзаком, в тёмной куртке, опираясь на трость — бережёт ногу. Увидев меня, улыбается чуть смущённо.

— Ты, как всегда, красивая, — говорит вместо приветствия.

Он растерян не меньше меня. Даже странно — боевой офицер и робеет.

— Ты льстец, — отвечаю, краснея.

— Я честный. Льстецы говорят красиво, а я правду.

Идём по каменным плитам. Вокруг — развалины древнего города, колонны, море внизу синее-синее. Апрельский ветер треплет волосы, пахнет солью и сухой травой. Мы молчим минуту, другую. Я физически ощущаю тепло его плеча рядом, воздух между нами накаляется, как перед грозой.

— Я боялся, что ты откажешься, — начинает он первым.

— Я хотела отказаться. — Признаюсь честно.

— Почему?

— Потому что боюсь.

Он останавливается, поворачивается ко мне.

— Чего боишься, Наташа?

Я не отвечаю. Мы стоим на краю смотровой площадки. Внизу — море, бесконечное, спокойное. На горизонте — корабль. Маленький, словно игрушечный.

— Давай присядем, — предлагает он и, не скрывая, поясняет: — Устал немного.

Садимся на камень, прогретый за день. Он снимает рюк-

зак, достаёт две бутылки воды, кладёт между нами. Смотрю на его руки — шрамы уже затянулись, но пальцы всё ещё подрагивают. Последствие контузии.

— Расскажи про отца, — прошу. Интересно узнать о нём побольше и заодно заполнить молчание. — Ты говорил, он погиб в Абхазии.

Игорь откручивает крышку, пьёт, не торопясь. Я понимаю: собирается с силами.

— Девяносто третий год. Мне пять. Отец — офицер, десантник. Отправили в командировку, обычную, как он думал. А там война… — Он сжимает бутылку, пластик хрустит. — Попали в засаду. Четверо погибли. Отец последним прикрывал отход. Мать два года ждала, не верила, что погиб. Надеялась, что попал в плен и его обменяют. Потом пришли документы. Похоронка.

— Мне жаль.

— Мне тоже… — Он криво улыбается. — Я вырос без отца, но помня о том, кто он. И теперь каждое задание — как игра с судьбой. Вернусь — не вернусь. Знаешь, какой это страх? Не за себя. За мать. Она одна, больше никого. Поэтому рад, что выжил и благодарен за то, что спасли.

Меньше всего хочу, чтоб наше свидание оказалось всего лишь «спасибом» с его стороны. Ощущаю каждой клеточкой тела, что его ко мне тоже тянет. Недолго молчу. История моей мамы похожа лишь тем, что она тоже растила меня одна.

— А у меня отец жив, — произношу тихо. — Он бросил

нас, когда мне было пять. Не выдержал неустроенного быта. Собрал вещи и ушёл к другой женщине. Мы с мамой остались жить в общаге. Он ни разу не позвонил, не искал, когда мы переехали. И даже не представляю, что хуже: знать, что он мёртв, или знать, что он жив, но ему на меня плевать.

Игорь смотрит на меня долго. В его глазах — понимание. Настоящее, без фальши.

— Мы оба в пять лет потеряли отца. Только мой погиб как герой, а твой… — он не заканчивает.

Делаю это за него:

— А мой просто ушёл. Сбежал из семьи, ради которой нужно было много трудиться. Поменял любимую женщину на богатую. Это трусость.

С детства не отпускающая боль. Страшно знать, что ты не нужна самому родному человеку. Произношу слова и чувствую, как отрывается что-то внутри. Я никогда не делала выводов вслух. Ни маме, ни подругам. Самой странно, что решилась сказать сейчас, почти чужому мужчине.

— Это подлость, — говорит Игорь. — Но из любой ситуации можно извлечь плюсы. Ты научилась быть сильной.

— Нет. Я просто привыкла.

— Сильные так и говорят.

Он лезет в рюкзак и достаёт маленькую деревянную рамку. Протягивает мне. Внутри — засушенная морская звезда. Коричневато-бежевая, с пятью лучами, каждый с мелкими дырочками.

— Что это? — шепчу с удивлением. Странный подарок.

— Нашёл на пляже в Балаклаве до того, как меня ранило. Лежала на песке, мёртвая, выброшенная штормом. Я хотел выбросить, но поднял и спрятал в карман. Думал подарить маме, но тебе она нужнее.

— Почему?

— Потому что она целая. У неё все лучи на месте. Её швыряло волнами, било о камни, высушило солнцем. А она — целая. — Он кладёт рамку в мои руки. — Как я. Выжил. И ты — целая. Несмотря на то, что добивалась всего сама.

Я смотрю на звезду. Она кажется хрупкой, но при этом невероятно живучей. Мёртвая — но живая. Парадокс.

— Игорь, раз хотел подарить маме, я не могу…

— Не можешь принять? Можешь. Это не подарок. Это знак. Я хочу, чтобы ты помнила: ты — не сломленная. Даже когда кажется, что всё рухнуло и никому не нужна.

Я сжимаю рамку, чувствую дерево пальцами. Глаза щиплет, но я не плачу. Сильные женщины не плачут при свидетелях. Мы плачем потом, в подушку, когда никто не видит.

— Спасибо, — продавливаю сквозь ком в горле.

Он не отвечает. Мы сидим молча, глядя на море. Солнце опускается всё ниже, небо становится оранжево-розовым, как фруктовое мороженое. Внизу чайки кричат, волны бьются о скалы.

— Скоро стемнеет, — говорю, собираясь подняться.

Он прижимает мои пальцы ладонью.

— Подожди ещё немного.

— Чего?

— Заката. Здесь красиво на закате.

Мы ждём. Он не спешит убирать ладонь, а я вытаскивать пальцы. Приятное тепло волной пробегает по венам. Уверена, мои ощущения взаимны. Перебираю в голове всё, что мы сказали друг другу. Открылись. Показали шрамы. Сделали навстречу шаг, которого боялись.

— Наташа. Я хочу тебя поцеловать.

Смотрю на его лицо в закатном свете — золотистое, спокойное. Глаза — бездонные, как море внизу.

Киваю с замиранием сердца. Не потому, что не уверена. Потому что слишком хочу этого, и оттого страшно.

Он наклоняется — сначала осторожно, давая мне возможность отстраниться. Я не отстраняюсь. Его губы сухие, тёплые. Он целует мягко, словно боится сделать больно. Мне — хорошо. Впервые за долгое время даю волю накрывшим с головой чувствам. Внизу живота сладкое томление. Ватные ноги дрожат в коленях. Сердце громко стучит. Голова кружится.

Море шумит внизу. Чайки кричат. Где-то далеко идут корабли, и, кажется, что время остановилось.

Мы отрываемся друг от друга. Он смотрит с нежностью в глазах, гладит меня по щеке большим пальцем.

— Не бойся, — шепчет. — Я никогда тебя не обижу.

Обнимает одной рукой. Прижимаюсь щекой к здоровой

стороне груди.

— Я не боюсь.

— Врёшь.

Я улыбаюсь. Потому что он прав. Потому что боюсь до чёртиков. Но страх этот — сладкий, как закат, на который мы смотрим теперь вместе.

Забираем с собой опустевшие бутылки. Я прячу звезду в сумку.

— Подвезти тебя? — спрашивает, с явной надеждой на продолжения вечера.

— Нет, я на своей. — Боюсь броситься с головой в омут. Мне нужно переварить впечатления.

— Тогда завтра я позвоню.

— Позвони.

Я иду к парковке, чувствуя его взгляд на спине. Не оборачиваюсь. Сажусь в машину, закрываю дверь. Кладу рамку со звездой на пассажирское сиденье. Она ловит последние лучи солнца.

Я говорю себе:

— Это просто прогулка. Разговор по душам. Ни к чему не обязывающий поцелуй.

Я говорю вслух, в пустой салон. И снова вру. Потому что это не «просто», а начало чего-то огромного, что раздавит меня своей тяжестью. Или поднимет наверх.

Я ещё не знаю.

Завожу двигатель и выезжаю на трассу. В зеркале заднего

вида — Херсонес, море, закат. И человек, который остаётся там, за спиной.

Телефонная записная книжка пополняется новым номером. Я подписываю его: «Игорь. Не удалять». И улыбаюсь.

Глава 3

Конец мая. Мама вернулась домой из Симферополя. Севастополь цветёт и пахнет розами, а я никак не могу встать с кровати.

Тошнит третье утро подряд. Сначала списываю на усталость. Ночные дежурства, постоянный стресс, весенний авитаминоз. Но сегодня, когда подношу зубную щётку ко рту и меня выворачивает наизнанку, понимаю: что-то не так.

Мама зовёт:

— Доча, идём завтракать!

Даже упоминание о еде вызывает новый приступ.

Стою на коленях перед унитазом, лоб прижат к холодному кафелю. Мысли бегут, но одна из них цепляется за другие и тянет за собой.

Два месяца с нашей прогулки у Херсонеса.

Шестьдесят дней поцелуев, прогулок, разговоров по телефону. И чуть меньше от единственной ночи в его съёмной квартире в Балаклаве, когда чувства возобладали над разумом.

Мы были осторожны. Кажется...

Вытираю лицо, чищу зубы второй раз и иду в аптеку. До ближайшей — пять минут пешком. Надеваю солнечные очки, скрывая опухшие испуганные глаза от мамы. Прячу тест в карман ветровки, как контрабанду.

Дома умоляющим взглядом смотрю на пластиковую полоску в ожидании приговора. Словно можно что-то исправить эмоциями.

Две минуты я почти не дышу.

Вторая полоска проявляется медленно, но уверенно. Розовая, чёткая.

Я беременна…

Сажусь на край ванны, уронив тест на пол. Голова кружится. Внутри — пустота, потом паника, следом слёзы. Я плачу, зажав рот ладонью, чтобы мама не слышала.

Восемь недель!

Восемь недель назад мы с Игорем впервые оказались в одной постели. Он был нежным, я — растерянной. Он часто повторяет: «Не бойся ничего, я всегда буду рядом». Я верю.

Но сейчас всё слишком непросто.

Через месяц у Игоря новая командировка. Он говорит — обычная, на две недели. Но я знаю, что сейчас происходит. Две недели могут растянуться на полгода, или закончиться похоронкой.

Мне очень страшно и нужно хоть с кем-то поговорить. Есть только один человек, которому доверяю. Включаю воду, чтоб мама не слышала. Беру телефон. Руки дрожат. Набираю подругу Свету — мы дружим со школы, она живёт от меня через два дома. Света работает в торговом центре, продаёт косметику. Практичная, циничная, но сейчас, для встряски, мне нужна именно она.

— Света, привет. Ты можешь говорить?

— Наташ? Ты плачешь? Что случилось?

— Я беременна… — Мямлю сквозь сопли и слёзы.

Тишина в трубке. Потом короткий выдох.

— От того капитана?

— Да.

— Он знает?

— Нет. Я только что сделала тест.

— И что собираешься делать? — голос Светы становится деловым, собранным. — В больницу поедешь? Или к нему?

— Поем, переоденусь и сначала поеду к нему. В Балаклаву. Расскажу и вместе решим, как быть дальше.

— Наташа, ты уверена? А если он скажет — рожай? Может, не надо спешить? Подумай. Он военный, постоянные командировки, риск. Вы вместе всего два месяца. Ещё не женаты. А вдруг…

Перебиваю, жалея, что позвонила.

— Я люблю его, Света!

— Любовь — не аргумент. Ладно… Делай как знаешь. Но будь готова к любому ответу.

Сбрасываю вызов. На душе тяжело. Не на такую поддержку рассчитывала. Света словно отговаривала меня от Игоря. Интересно – почему? Залезаю в ванну, долго стою под горячей водой, будто хочу смыть с себя её слова. Игорь вернётся из похода крайний срок через месяц и тем более не умрёт. Мы успеем пожениться до моих родов. Надеваю чистое пла-

тье, расчёсываю волосы. Смотрю в зеркало — вроде я. Но уже есть изменения. Ладошка сама тянется к животу. Не замечаю, что губы кривит улыбка. В душе сомнения, но мозг уже всё решил. Я ношу под сердцем новую жизнь!

Сажусь в машину и еду в Балаклаву. За окном — майский Крым, кипарисы, море. Мир прекрасен, а я еду на встречу, которая изменит всё.

В квартире Игоря я была дважды. Он снимает студию на улице Калича, с видом на бухту. Поднимаюсь на третий этаж, дверь не заперта. Странно. Толкаю её — открыто.

В комнате полумрак, шторы задёрнуты. На диване спит Игорь, раскинув руки, лицом в подушку.

А рядом, в кресле, сидит Алина.

Алина — наша общая со Светой подруга. Мы не общались два года, с тех пор как она увела моего парня на первом курсе медицинского колледжа. Выходит, она не успокоилась и продолжает мне мстить непонятно за что. Теперь она здесь! В одном белье. Кружевном, чёрном. Ноги закинуты на журнальный столик.

Я застываю в дверях. Сердце ухает вниз. Опираюсь без сил спиной о дверной косяк.

— Ой, Наташка… — лениво тянет Алина, поправляя волосы. — А ты чего припёрлась? Мы с Игорем отдыхаем. Третий лишний.

Игорь вздрагивает, открывает глаза. Секунду смотрит на меня мутным взглядом, потом резко садится. Голый торс,

джинсы расстёгнуты.

— Наташа? — голос хриплый, спросонья. — Что ты…

Он с недоумением взирает на Алину:

— А ты почему раздетая? — взгляд снова упирается в меня. — Она сказала, что ты должна подъехать и просилась подождать у меня. Я набирал. У тебя телефон был вне зоны действия.

Нелепее отговорку невозможно придумать. Не верю ни одному его слову:

— Не ври… — выдыхаю ледяным голосом. — Я не слепая. Она не знала, что я еду к тебе.

Он не сдаётся:

— Это не то, что ты думаешь! Она пришла полчаса назад. Мы пили чай. Я не помню, как вырубился. Видимо, я уснул, а она разделась. Я не…

— Замолчи! — Приказываю себе не реветь. Не доставлю такого удовольствия мерзавцам.

Я словно возвращаюсь в прошлое. Смотрю на Алину. Та ухмыляется, сверкая глазами — победительница. И всегда была такой. В первый раз я отходила от предательства жениха несколько лет. Стоило мне влюбиться ещё раз, как всё повторяется.

— Наташ, правда, он ни при чём, — мурлычет она. — Мы просто бутылку вина открыли, он уснул, а я решила подождать. Неудобно уходить, не попрощавшись.

— Ты… — начинаю и не могу закончить.

Игорь встаёт с дивана, шатается. Я замечаю на столе пустую бутылку и два бокала. На одном — следы помады.

— Наташа, посмотри на меня, — просит он. — Я пил чай… Не знал, что она здесь осталась. Она сказала, что ты прислала её.

— Я?.. — горько смеюсь. — Я никого к тебе не посылала.

— Алина! — поворачивается он к ней. — Скажи правду.

Алина пожимает плечами:

— Какую правду? Что я пришла в гости, мы выпили, любили друг друга. Ты устал и уснул? Я сделала как ты просил — ждала, чтоб продолжить… — В её глазах уверенность в собственной неотразимости. — Не заставляй меня врать! Рядом со мной не может «ничего не быть». Надеюсь, твоя мечта сбылась, и я наконец забеременела.

— Что ты несёшь? Какое просил? Какой ребёнок? — Игорь натягивает футболку. — Наташа, не верь ни одному её слову!

Алина усмехается:

— Поверит, когда я рожу!

Больно настолько, что трудно дышать. Происходящее рвёт сердце. В животе холодный тяжёлый ком и подступающая к горлу тошнота. Закрываю уши ладонями не в силах слушать их перепалку. Смотрю на обоих без звука. Вижу его растерянное лицо, её наглую улыбку. И внутри меня что-то обрывается. Надежда на наше будущее.

Я поворачиваюсь и выбегаю.

— Наташа! — кричит он мне в спину. — Наташа, стой!

Я сбегаю по лестнице, спотыкаясь на каждой ступеньке. Внизу хлопаю дверью подъезда, бегу к машине. Слышу сзади его шаги — он выскочил следом, без обуви, в одной футболке.

— Остановись! Дай объяснить!

Успеваю сесть в машину и заблокировать двери. Завожу двигатель. Игорь бьёт ладонью по стеклу.

— Пожалуйста! Я люблю тебя!

Смотрю на него в упор. Глаза красные, на щеке — след от подушки. Голос искренний. Взгляд отчаянный.

Но Алина в кружевном белье на его диване перечёркивает всё.

Глава 4

Выжимаю газ и вылетаю со двора.

Взгляд застыл на зеркале заднего вида — он стоит посреди улицы босиком, смотрит мне вслед. А я смотрю вперёд.

Гоню по трассе, не разбирая дороги. Слёзы застилают глаза, приходится съехать на обочину. Бросаю руль, утыкаюсь в него лицом и рыдаю.

Восемь недель… Наша любовь!

РЕБЁНОК.

Я обещала ему счастливую жизнь. Глажу пока ещё плоский живот. Говорю вслух, задыхаясь:

— Прости меня, маленький. Твой папа — предатель! Но мы должны справиться…

Сижу минут десять, собираюсь с мыслями. Складываю разорванную душу в единое целое. Мои слова не пустой звук. Я на самом деле должна выстоять. Вытираю лицо и еду домой.

Мама ждёт меня с ужином. Прятаться не имеет смысла. Захожу на кухню, и она видит моё лицо.

Молча сажусь за стол, кладу перед ней тест на беременность. Она смотрит на него, потом на меня.

— Этот ребёнок от того офицера? От Игоря?

С трудом выговариваю короткое:

— Да.

— Вы поженитесь?

Невозмутимый голос мамы не вводит меня в заблуждение. Она изначально не одобряла мою связь с военным. Знаю, что в душе её сейчас буря, как и в моей, но я хуже справляюсь с эмоциями.

— Нет.

Я рассказываю всё. Про Алину, про кружевное бельё, про его крики на улице. Мама слушает, не перебивая. Её лицо становится каменным.

Ожидаю чего угодно закончив рассказ, но она обнимает меня. Крепко, как в детстве.

— Ничего, дочка. Мы справимся. Я тебя не брошу!

Вот теперь даю волю слезам. Выговариваю через всхлипывания:

— Мама, я не знаю, что делать…

— А что тут делать? — она отстраняется, смотрит в глаза. — Запомни главное. Предавший однажды — предаст и дважды. Твоего отца я прощала несколько раз. И в каждый, слушая его мольбы, думала: «Это было в последний раз, он исправится». Не исправился. Ушёл окончательно, когда тебе пять было.

В сердце боль, в голове сумбур. Мне хочется верить в его порядочность несмотря ни на что:

— А вдруг Игорь не такой? Может, Алина и вправду его подставила?

В глазах мамы сталь, смешанная с мудростью прожитых лет:

— Дочка, если мужчина позволяет чужой бабе раздеваться в его квартире и засыпать рядом — это не мужчина, а тряпка! Прости его сейчас — он разобьёт твоё сердце потом. Как отец разбил моё.

Я молчу. Она права, знаю. Но в душе бездонная чёрная дыра.

— Что мне делать с ребёнком? — шепчу в отчаянии.

Мама решает за нас двоих:

— Рожать. Ребёнок — это подарок от Бога, а не наказание. Вырастим. Ты работаешь, у меня хорошая пенсия. Да, не слишком богато живём, но не пропадём. А мужа нужно выбирать надёжного. Не того, от кого бабочки в животе, а того, кто не оставит в беде.

Я киваю.

Вечером звоню Свете. Рассказываю про Алину. Света матерится так, что я отодвигаю телефон от уха.

— Я же говорила, не спеши! Наташка, ты дура!

— Я люблю его…

— Любовь твоя — как чулок дырявый на ноге. Выйдешь на улицу — сразу всем видно, а самой стыдно. Забудь его! И мама права, не смей аборт делать, слышишь? Помогу, чем смогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.